

Восток постепенно светлел, забрезжил утренний рассвет, и на краю неба забрезчила розоватая белизна.

Опрятные до этого волосы маленькой девочки сейчас слегка растрепались, на нежном белом личике виднелись следы грязи, а в одной руке она сжимала сломанную ленту. С мрачным выражением лица она стояла у двери, преграждая путь Чу Мо Жань, которая уже собиралась выходить.

Её огромные глаза походили на сияющие звезды, но сейчас их заволокла густая пелена мрака, словно повествуя о какой-то неведомой обиде.

— Чжи Сянь?

Цзян Ли на мгновение замерла, заметив её.

Уловив между ними нечто двусмысленное в атмосфере, она предпочла обойти этот эпицентр бури стороной — в конце концов, это были их внутренние дела.

Ей вовсе не улыбалось совать нос в чужие проблемы.

Убедившись, что Цзян Ли уже дошла до следующего вагона, Чжи Сянь сквозь зубы процедила тихим голосом:

— Вчера ты вдруг заставила меня одну возиться с этим делом и бросила вот так просто! Не забывай о нашем уговоре!

— Ты не умрешь.

Бесстрастно бросила Чу Мо Жань.

Сказав это, она, не обращая внимания на почерневшее от злости лицо Чжи Сянь, ускорила шаг, догоняя идущую впереди девушку.

— Ах-ах-ах, ну ты и сволочь, по фамилии Чу!

Чжи Сянь от досады затопала ногами, но поделать ничего не могла. Ей оставалось лишь холодно фыркнуть и, пыхтя, поплестись следом за ними.

После ухода остальных Цзян Ли бросила взгляд на Ван Мэн и Му Яояо, которые упорно продолжали канючить и не желали уходить.

— Вы обе всё ещё стоите здесь — собрались изображать старые деревья?

Му Яояо тут же рухнула на колени в идеальном скольжении, пытаясь обнять Цзян Ли за ногу, и с благоговейным выражением произнесла:

— Великая, я знаю, что у вас есть какой-то особый план, позвольте нам пойти с вами!

— Вам ведь наверняка нужны те, кто будет подавать чай, наливать воду, стирать одежду и делать массаж — то есть шестерки... ой, нет, маленькие помощницы, ведь так? — она захлопала своими черными глазками и жалобно уставилась на Цзян Ли.

— Мне не нужны две бесполезные пешки, которые умеют только путаться под ногами.

Цзян Ли резким движением отпрыгнула в сторону, избегая Му Яоя, и холодно, без капли сочувствия отказала.

— Раз ты не можешь нас защитить, тогда зачем заставляла помогать тебе? — упрямо выпрямив шею, спросила Ван Мэн.

Му Яоя быстро вернулась к подруге, встревоженно затрясла ее за руку и принялась отчаянно корчить рожи и строить глазки, показывая, чтобы та замолчала.

— Яоя, почему ты перед ней унижаешься?

Ван Мэн оттолкнула руку Му Яоя и свирепо посмотрела на Цзян Ли.

— С самого начала она всеми командовала! Была бы от этого хоть какая-то польза, так нет — люди всё равно продолжают умирать один за другим страшной смертью, а сама она преспокойно живет!

Еще в общении она мне глаза мозолила: вечно молчит, строит из себя недоступную холодную красавицу, да еще и не снимает кепку с маской — никто в глаза не видел, как она выглядит! И кто знает, что у нее на уме!

Услышав шум, многие с любопытством оглянулись и принялись издали наблюдать за происходящим, а кое-кто даже принялся оживленно шептаться.

Чу Мо Жань нахмурилась. Во взгляде, которым она окинула Ван Мэн, уже не было ничего человеческого — так смотрят на покойников.

Заметив этот леденящий взгляд, Чжи Сянь даже забыла о своей недавней обиде и поспешно схватила Чу Мо Жань за руку, тихонько проговорив:

— Она сама со всем разберется. Если не хочешь светиться — пойдем со мной.

С этими словами она насильно утащила Чу Мо Жань прочь.

— О?

Цзян Ли с улыбкой, в которой читалась насмешка, посмотрела на упрямое лицо Ван Мэн.

— Можешь не заключать со мной сделку. Мы все можем просто подождать, пока ты подохнешь, и тогда пройти уровень.

Она достала из кармана заботливо склеенную фотографию и подняла ее перед лицом Ван Мэн.

— Посмотри, кто это.

— Думаю, этот человек тебе отлично знаком. Так как по-твоему, почему призрак в первую очередь увязался за Ли Тун? — неторопливо произнесла Цзян Ли.

— Обидела дочку призрака — кому же еще умирать первой, если не ей?

— Помнится, ты ведь тоже сказала той девочке пару слов? Жалко только, что вчера тебе удалось ускользнуть. Как думаешь, если мы не закончим игру побыстрее, станет ли она щадить тебя дальше?

От Цзян Ли исходила пугающая, леденящая аура. Она шаг за шагом надвигалась на девушек, пока те не отступили к самой стене, где отступать уже было некуда.

Лицо Ван Мэн побелело, как мел, она не могла вымолвить ни слова, а ноги от страха тряслись настолько, что едва держали ее. Му Яояо, дрожа от ужаса, все же продолжала поддерживать подругу.

Цзян Ли убрала фотографию, холодно усмехнулась и бросила:

— Можешь не слушать меня. Только смотри не превратись в высохшую мумию...

— Или в груды расчлененных трупов. Этим процессом я управлять не стану.

Если Ван Мэн вздумает и дальше испытывать ее терпение, пусть пеняет на себя. Едва стихли последние слова, как сидевший неподалёку старшеклассник, долго колебавшийся и прислушивавшийся к разговору, всё же медленно поднял руку и быстро протянул Цзян Ли собранные записи, испуганно дрожа:

— Т... того, сестрица... мы всё записали.

Цзян Ли обернулась и только взяла бумаги, как парень глубоко ей поклонился и тут же стремглав умчался к своим приятелям.

У-у-у, судя по голосу, эта сестрица такая страшная...

Цзян Ли:

Она взяла материалы и, сев на своё место, принялась их изучать.

Вагоны, в которых обнаружили трупы, — это первый, второй, четвёртый, пятый, восьмой, а также сорок седьмой и семнадцатый из первого и второго дней.

Эти цифры шли не подряд, словно по какому-то закономерному порядку: в каждом вагоне находилось не больше одного тела.

Было очевидно, что Сюй Чжи сделала это намеренно, специально оставив им подсказку.

Однако эти номера казались слишком разрозненными, и обнаружить в них хоть какую-то закономерность не представлялось возможным.

Неужели это связано с недостающими датами?

Раскрыв дневник, Цзян Ли уставилась на шесть пропущенных дней и задумалась.

Если бы речь шла только о номерах один, два, четыре, пяти и восемь, это ещё можно было бы как-то объяснить, но семнадцать и сорок четыре явно выбивались из этого ряда.

Да и пароль от телефона... о нём не было ни малейшего представления.

— Ты б***ь сиди тихо и не рыпайся, хватит тут бегать туда-сюда.

Во рту Хуан Мао торчала сигарета, а его наглый и заносчивый голос разносился по всему вагону.

Даже не думай, что я поверю, будто это не ты. Я обычный офисный работник, как я вообще могу быть связана с такой жуткой игрой?

Кричала ярко покрашенная женщина в облегающем красном деловом костюме, отчаянно пытаясь вырваться из мёртвой хватке Хуан Мао. К сожалению, разница в силе между мужчинами и женщинами была слишком велика, и у неё не оставалось ни малейшего шанса на сопротивление.

Хватит уже нести чушь, мы ведь своими глазами видели то, что ты натворила, верно, Ху-цзы? нетерпеливо бросил Хуан Мао.

Тот, кого называли Ху-цзы, оказался дородным Малышом Паном в белой майке-алкоголичке, на плече которого красовалась татуировка с изображением чёрного трёхпалого дракона.

Он тоже конвоировал девушку — старшеклассницу в школьной форме с хвостом на голове. На ней были тяжёлые очки в чёрной оправе, она молча опустила голову и покорно, еле переставляя ноги, шла вперёд под их конвоем. Хотя фигура девушки была угловатой и суховатой, она всё равно не избежала участи время от времени подвергаться домогательствам.

Очевидно, Ху-цзы тоже заметил потрясающие формы женщины, оказавшейся в руках его главаря, но он не смел отбирать женщину у своего босса и мог лишь украдкой бросать на неё побольше взглядов.

Внезапно окликнутый, Ху-цзы на мгновение смутился и тут же отвёл глаза.

Однако уже через секунду он с видным одобрением произнёс:

— Да уж, сестрёнка, мы с братцем оба всё видели, так что тебе не отвертеться.

Грубый и простодушный голос Ху-цзы придавал происходящему изрядную долю правдоподобия, создавая впечатление, будто он действительно что-то видел своими глазами.

Вмиг многие «поверили» их словам и принялись проклинать обеих девушек.

Увидев это, Чжанмэте на ломаном китайском попытался призвать всех не горячиться, говоря, что тут наверняка какое-то недоразумение.

Но никто его не слушал, и в конце концов его оттеснили на самую окраину толпы.

Ему оставалось лишь с досадой выйти из этой балаганной сцены и покинуть вагон.

Хотя Ху-цзы ещё толком ничего не сказал о том, что именно он якобы видел, все уже молчаливо сошлись на том, что во всех жутких и мучительных событиях последних дней виноваты эти две предательницы. Им не нужны были никакие доказательства, и никто не заботился о том, в чём же истина — всё, что им требовалось, это объект, на котором можно

было бы без всяких условий выплеснуть свои эмоции.

Нашлись и те, кто пошёл ещё дальше, швырнув комья бумаги, испачканные соплями, прямо в двух девушек.

Те могли лишь испуганно жаться по сторонам, напоминая пару затравленных крыс.

Услышав нарастающий шум и гам, Цзян Ли почувствовала, как от головной боли раскалывается череп, и больше не могла сосредоточиться на мыслях о подсказках.

Слегка нахмурившись, она подняла голову и увидела эту картину.

Вдалеке двое крупных мужчин — один полный, другой худой — не спеша вели двух растерзанных и униженных девушек.

Их шаловливые руки то и дело норовили залезть туда, куда не следует. Толпа вокруг не только не осуждала их, но даже находились те, кто обзывал девушек шлюхами, заявляя, что те сами заслужили лапанья.

Одни из зевак бранились последними словами, другие стояли сложа руки, а третьи опускали головы, погруженные в какие-то свои мысли.

Под хор оскорблений головы двух девушек опускались всё ниже и ниже.

Как бы та женщина ни оправдывалась, её никто не слушал и никто ей не верил.

— Ведите себя смирно, не доводите до того, чтобы мне пришлось бить женщин.

Только что отчитав девушку, Хуан Мао повернул голову и встретился взглядом с темными, как чернила, глазами Цзян Ли.

<http://bllate.org/book/20714/2071913>